ORES

Научно-практический электронный журнал
Оригинальные исследования (ОРИС), *ISSN 2222-0402*
www.ores.su
original-research.ru

ЭТНОГЕНЕЗ И КУЛЬТУРНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ПОЛОВЦЕВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕПИ И ОСЕДЛЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В XI–XIII ВВ.

Грищенко Илона Александровна,
заместитель директора по научной работе, муниципальное казенное учреждение «Бердянский музейный комплекс», Россия, Запорожская обл., г. Бердянск
ilona.grishencko@yandex.com

Аннотация

В предлагаемой статье дается анализ проблемы этногенеза и культурного синкретизма половецкого (кипчакского) этноса в период его господства в степных пространствах Евразии в XI–XIII вв. Базируясь на комплексе русских летописей, а также византийских и восточных письменных источниках, данных археологии и антропологии, предпринимается попытка реконструкции отношений кочевой Степи с соседями, а именно Древней Русью, Византией, народами Кавказа. В фокусе особого внимания происхождение этнонима «половцы». Отдельно рассматривается материальная культура этого кочевого народа. Рассматривается и такой «маркер» как половецкие каменные изваяния, представляющие собой феномен культурного синкретизма. Один из ярких примеров, рассматриваемых в статье, – памятники Северного Приазовья, в том числе скульптуры, выявленные в Запорожской области и вблизи г. Бердянска. В ходе проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что отношения кочевого и оседлого миров отнюдь не были одним сплошным военным противостоянием, но представляли собой глубокий процесс культурного и антропологического общения и взаимопроникновения.

Ключевые слова: половцы, кипчаки, куманы, этногенез, культурный синкретизм, каменные изваяния, Северное Приазовье, Запорожская область, Бердянск, Древняя Русь, средневековые кочевники.

ETHNOGENESIS AND CULTURAL SYNCRETISM OF THE CUMANS: INTERACTION BETWEEN THE STEPPE AND SEDENTARY CIVILIZATIONS IN THE 11TH–13TH CENTURIES

Ilona A. Grishchenko,
Deputy Director for Research, Berdyansk Museum Complex Russia, Zaporozhye Region, Berdyansk
ilona.grishencko@yandex.com

ABSTRACT

This article analyzes the ethnogenesis and cultural syncretism of the Polovtsian (Cuman-Kipchak) ethnos during its period of dominance in the Eurasian steppes in the 11th–13th centuries. Drawing upon a comprehensive corpus of Russian chronicles, Byzantine and Eastern written sources, as well as archaeological and anthropological data, this study attempts to reconstruct the

relationships between the nomadic Steppe and its neighboring societies, namely Kievan Rus', Byzantium, and the peoples of the Caucasus. Particular attention is devoted to the origin of the ethnonym "Polovtsy" (Cumans). The material culture of this nomadic people is also examined in detail. Furthermore, the article investigates Polovtsian stone statues (balbals) as a distinct marker representing a phenomenon of cultural syncretism. A prominent example discussed is the monumental heritage of the Northern Azov region, including sculptures discovered in the Zaporizhzhia region and in the vicinity of Berdyansk. The author concludes that the interactions between the nomadic and sedentary worlds were by no means characterized solely by continuous military confrontation; rather, they represented a profound process of cultural and anthropological exchange and mutual integration.

Keywords: Polovtsians, Kipchaks, Cumans, ethnogenesis, cultural syncretism, anthropomorphic stone stelae (stone statues), Northern Azov region, Zaporizhzhia region, Berdyansk, Old Rus', medieval nomads

Отношения с половцами относится к одному из ключевых и наиболее драматичных сюжетов в истории Древней Руси XI–XIII вв. Автор самого известного литературного произведения домонгольского периода – «Слова о полку Игореве» – в качестве лейтмотива выбрал именно взаимоотношения с этим народом [11, с.12; 18, с. 5-23].

Его изучение историками привело к появлению целой историографической традиции, в которой, зачастую, отношения между оседлым миром и миром кочевым сводятся к вечному противостоянию и борьбе, что проходит красной нитью, начиная от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и до работ историков советского периода, при этом вооруженная борьба со степняками виделась как патриотический долг, а сотрудничество с ними воспринималось как предательство или политическая близорукость [4, с. 286].

При этом вполне допустимо предположение, что самим жителям древнерусских княжеств и соседних государств и других политических образований ситуация не виделась столь однобокой и однозначной. Представители современной исторической науки на основе комплексного анализа источников пришли к выводу, что взаимодействие Степи и оседлых земледельческих цивилизаций имело характер культурного и при этом глубокого синкретизма, что проявлялось в совершенно разных аспектах. Это и династические браки, военные союзы и объединения, взаимовлияние в сфере материальной и духовной культуры.

Цель статьи заключается в комплексном рассмотрении проблем этногенеза половцев в контексте культурного синкретизма и их взаимодействии с соседями, делая особый упор на культурно-материальное наследие Северного Приазовья.

Вопрос этногенеза половцев, их этнической принадлежности до сих пор является дискуссионным в исторической науке. Исследователи пришли к общему выводу о том, что обобщающие термины «половцы», «куманы» и «кипчаки» обозначают конгломерат родственных, но различных этнических общностей [3; 9]. При этом их объединяли общий язык (кыпчакская группа тюркских языков), кочевой характер хозяйства и единые политические институты [5, с. 45;19].

В русской летописной традиции этот этнос именовали двояко. При описании набегов на Русь они выступали как «половцы», а при рассуждениях об их происхождении – как «сарацины» [16, с. 99].

Европейские и восточные источники демонстрируют в этом плане большее разнообразие. Арабские авторы называют их «кыпчаки» или «кафчаки», армянские –

«хардеш», византийцы – «куманы», венгры – «кун» или «палоч», немцы – «фалены» или «фальбы», поляки и чехи – «плавцы» [16, с. 99].

Касательно происхождения слова «половцы» имеется целый ряд гипотез. В XIX–XX вв. этот этноним связали с тюркским «сары» (светло-желтый), приобретшим на славянской почве название «половый» (цвет соломы), что нашло объяснение в цвете волос этого народа (и выгладит сомнительно). Эту позицию разделили А.А. Куник, В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский и С.А. Плетнева [16, с. 101]. Но, как указывал И.О. Князький, прямых свидетельств о светлых волосах половцев в источниках нет, тогда как термин «желтый» в тюркской географической традиции мог иметь значение «центральный» или «срединный» и указывать на проживание этноса в центре кочевого мира Евразии [16, с. 101], что кажется более достоверным.

Правда, данная гипотеза встретила критику со стороны И.Г. Добродомова, который отмечал, что в тюркских языках желтый цвет не всегда однозначно ассоциировался с центром. Анализ обозначений сторон света у кочевников показывает их вариативность [16, с. 101]. Альтернативная версия была выдвинута А. Соболевским. Исследователь трактовал «половый» не как желтый, а как синий или голубой цвета, подкрепляя свою гипотезу названием «Синяя орда» и немецкими источниками, именовавшими половцев «синими» [16, с. 102]. Е.Ч. Скржинская предположила топографическое происхождении термина. По ее мысли, жители Правобережья Днепра воспринимали кочевников как обитателей «того» (противоположного, чужого) берега, что фонетически могло превратиться в «половцы» [16, с. 102; 17].

М.А. Балабанова приводит антропологические данные, подтверждающие многослойный процесс этногенеза. Кочевники огузо-печенежского времени и ранние половцы Нижнего Поволжья находились в процессе метисации и постепенной европеоидизации на территориях соприкосновения с оседлым населением. Это ломает сложившееся ранее представление о половцах как о монголоидном монолите [1].

Итак, этногенез половцев можно охарактеризовать как динамичный процесс консолидации разнородных тюркских и отчасти иранских компонентов на просторах евразийских степей [2, с. 183; 7, с.10-56].

Отношения половцев с оседлыми цивилизациями отнюдь не включало лишь военные конфликты. Д.А. Добровольский считает, что, отраженный в исторических источниках, образ половцев как исключительно враждебного народа необходимо уточнять [4, с. 287]. И это действительно так, поскольку реальная история далека от столь однозначных оценок.

Один из характерных примеров синкретизма – династические брачные узы. Уже с конца XI в., древнерусские князья (Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Святослав Всеволодович и др.) активно заключали брачные союзы брачные союзы с половецкими ханами (Кончаком, Кобяком, Аепой), что не только давало политические и военные преимущества, но становилось фактором культурного взаимообмена. Половецкие княжны принимали Православие, получая соответствующие имена, а дети от таких браков воспитывались в русле слияния двух культурных традиций [8, с. 17-25].

Примечательны и отношения половцев с Византийской империей и народами Кавказа. Исследуя «Алексиаду» Анны Комниной А.Ю. Митрофанов, акцентирует внимание на том, что византийская дипломатия активно использовала половецкие (куманские) воинские формирования в качестве союзников, а половецкая верхушка заимствовала элементы византийского церемониала и материальной культуры [10, с. 54].

Еще более выраженно культурное взаимопроникновение проявило себя на Северном Кавказе. Ю.В. Зеленский отмечает значительные межэтнические контакты половцев, аланов и адыгов. В начале XII в. около 40 тысяч половцев по приглашению царя Давида Строителя переселились в Грузию, составив основу грузинского войска. Эта группа была в значительной степени ассимилирована в культурном и религиозном плане. Отмечается

массовая христианизация, строительство храмов, переход к оседлому образу жизни, хотя отдельные элементы кочевой военной организации сохранялись [6, с. 32]. Данный факт говорит о высокой степени адаптивности половецкого этноса, его способности к культурным переменам.

Свидетельством процессов синкретизма является и материальная культура этого народа. Как показывает Т.В. Николаева, декоративно-прикладное искусство половцев, их ювелирные изделия, поясные наборы и оружие носят следы влияния ремесленных традиций Руси, Византии и Кавказа [12, с. 78].

Особое место в системе духовной и материальной культуры половцев принадлежит монументальной каменной скульптуре – знаменитым «каменным бабам» (балбалы). Как описывает С.А. Плетнева, такие изваяния покоились на вершинах курганов, будучи объектами поминального культа. Они олицетворяли предков и связь между мирами [13, с. 25-71; 14, с. 115].

Важнейшим транзитным и контактным пространством («порубежьем») между кочевым степным миром и оседлыми цивилизациями Причерноморья и Руси было Северное Приазовье, где процессы культурного взаимопроникновения оставили наиболее зримые материальные следы. Выдающимися образцами половецкого камнерезного искусства XI–XIII вв. являются каменные изваяния Запорожской области, в частности окрестностей г. Бердянска. Эти стелы выполнены по классическим половецким канонам: мужские фигуры в долгополых кафтанах, перехваченных поясом с набором ритуальных и бытовых предметов. Руки покоятся на груди, при этом в одной руке часто изображается рог (ритон) или чаша. Эти предметы относятся к символам поминальной тризны, указывая также на связь с божественным началом. Скульптуры, вероятно, создавались как кочевыми, так и приглашенными оседлыми мастерами. В них отмечают влияние местных художественных традиций. Антропоморфные черты лиц изваяний Северного Приазовья зачастую, сочетают тюркские детали (форма глаз, разрез век, наличие усов) с общей пластической обработкой, характерной для более древних оседлых культур Причерноморья.

Исследование этих памятников Запорожской области и Бердянска позволяет говорить о том, что половецкая скульптура явление отнюдь не изолированное, но коренящееся в скифо-сарматском наследии более ранних эпох, а также перекликающееся в современным ей искусством оседлых народов, о чем говорит стилистический анализ. Это одно из свидетельств того самого культурного синкретизма, при котором Степь творчески перерабатывала культурные коды оседлых цивилизаций, создавая собственные уникальные художественные традиции.

Анализ проблем этногенеза и культурного развития половцев в XI–XIII вв. дает основания для вывода о несостоятельности упрощенного подхода о только лишь военном противостоянии Степи и Оседлого мира. При этом половцы (кипчаки) представляли собой сложный, динамично развивающийся этнос, пребывавший в состоянии постоянного взаимодействия с окружающими государствами и народами.

Семантический анализ этнонима «половцы» не позволяет пока прийти к окончательному выводу.

Антропологические и археологические данные доказывают существовавшие процессы метисации и культурного обмена. Взаимоотношения с Русью, Византией и Кавказом осуществлялось не только посредством военных действий, но и династических браков, религиозного элемента и торговли.

Проявлением культурного синкретизма, свидетельствующим о высоком уровне художественной культуры кочевников, служит и половецкая каменная скульптура. Памятники Северного Приазовья, каменные изваяния Запорожской области и окрестностей Бердянска говорят о способности половцев к заимствованию и интеграции

художественных традиций. Исследование всех этих процессов в совокупности чрезвычайно важно для понимания истории Евразии как единого культурно-исторического пространства.

Список источников:

1. Балабанова М. А. Кочевники огузо-печенежского времени волго-донского региона по данным антропологии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 4. С.20–42.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 398 с.
3. Добродомов И. Г. О названии «половцы» // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 115–120.
4. Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 286–294.
5. Евстигнеев Ю. А. Куманы/куны: кто они? К вопросу об этнической идентичности половцев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 44–50.
6. Зеленский Ю. В. Межэтнические контакты половцев, аланов и адыгов в эпоху средневековья // История, археология и этнография Кавказа. 2015. Т. 11, № 2. С. 30–38.
7. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
8. Князький И. О. Очерки по истории Руси и половцев XI–XIII вв. М.: Наука, 1996. 184 с.
9. Лунин Б. В. О происхождении названия «половцы» // Ученые записки Ростовского государственного университета. 1949. Т. 12. С. 130–135.
10. Митрофанов А. Ю. Половецкие ханы и половецкий этнос за кулисами исторического повествования Анны Комниной // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2024. № 1. С.190–214.
11. Можейко И. В. 1185 год (Восток-Запад). М.: Наука, 1989. 527 с.
12. Николаева Т. В. Декоративно-прикладное искусство половцев и его связи с оседлыми культурами // Российская археология. 2005. № 3. С. 75–86.
13. Плетнева С. А. От кочевий к городам (каменные бабы). М.: Наука, 2015. 198 с.
14. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 206 с.
15. Пономарев А. К вопросу об этнониме «половцы» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. Т. 5, вып. 4. С. 365–372.
16. Сакович Е. Происхождение этнонима «половцы»: летописные сведения и мнения исследователей // Народы и религии Евразии. 2019. № 4(21). С. 99–104.
17. Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этнонима // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 273–279.
18. Слово о полку Игореве / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1985. 384 с.
19. Соболевский А. И. О половцах и их языке // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1910. Т. 15, кн. 2. С. 170–180.

References:

1. Balabanova M. A. Nomads of the Oghuz-Pecheneg Period in the Volga-Don Region: Anthropological Evidence // Vestnik VolGU. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2024. Vol. 29. No. 4. Pp. 20–42.
2. Gumilev L. N. Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow: Mysl, 1989. 398 p.
3. Dobrodomov I. G. On the Name «Polovtsy» // Voprosy Yazykoznaniya (Topics in the Study of Language). 1978. No. 4. Pp. 115–120.
4. Dobrovolsky D. A. The Perception of the Polovtsy in Chronicles of the 11th–13th Centuries // Dialogue with Time. 2012. Issue 39. Pp. 286–294.
5. Evstigneev Yu. A. Cumans/Kuns: Who Were They? On the Question of the Ethnic Identity of the Polovtsy // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2012. No. 3. Pp. 44–50.
6. Zelenskiy Yu. V. Interethnic Contacts Among the Polovtsy, Alans, and Adyghe People in the Middle Ages // History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2015. Vol. 11, No. 2. pp. 30–38.
7. Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2005. 346 p.
8. Knyazky I. O. Essays on the History of Rus' and the Polovtsians (11th–13th Centuries). Moscow: Nauka, 1996. 184 p.
9. Lunin B. V. On the Origin of the Name 'Polovtsians' // Scientific Notes of Rostov State University. 1949. Vol. 12. Pp. 130–135.
10. Mitrofanov A. Yu. Polovtsian Khans and the Polovtsian Ethnos Behind the Scenes of Anna Komnene's Historical Narrative // Christian Reading (Khristianskoye Chtenie): Scientific Journal of the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church. 2024. No. 1. Pp. 190–214.
11. Mozheyko I. V. The Year 1185 (East–West). Moscow: Nauka, 1989. 527 p.
12. Nikolayeva T. V. Decorative and Applied Arts of the Polovtsians and Their Connections with Sedentary Cultures // Russian Archaeology. 2005.No. 3. Pp. 75–86.
13. Pletneva S. A. From Nomadic Camps to Cities (Stone Statues). Moscow: Nauka, 2015. 198 p.
14. Pletneva S. A. The Polovtsians. Moscow: Nauka, 1990. 206 p.
15. Ponomarev A. On the Question of the Ethnonym 'Polovtsians'// Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Department of Literature and Language. 1940. Vol. 5, no. 4. Pp. 365–372.
16. Sakovich E. The Origin of the Ethnonym «Polovtsy» (Cumans): Chronicle Accounts and Researchers' Opinions // Peoples and Religions of Eurasia. 2019. No. 4(21). Pp. 99–104.
17. Skrzhinskaya E. Ch. The Polovtsy (Cumans): An Attempt at a Historical Interpretation of the Ethnonym // Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Annals). 1986. Vol. 46. Pp. 273–279.
18. The Tale of Igor's Campaign / Text preparation, translation, and commentary by D. S. Likhachev. Moscow: Nauka, 1985. 384 p.
19. Sobolevsky A. I. On the Polovtsy (Cumans) and Their Language // Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences. 1910. Vol. 15, Book 2. pp. 170–180.